Эллер Вейн

Пока мы помним

Эллер Вэйн

Пока мы помним

«Автор»
2026

Вэйн Э.

Пока мы помним / Э. Вэйн — «Автор», 2026

Когда-то древнее Древо Мира породило Магию, разделив людей на Слышащих и Молчащих. Легенда гласит, что однажды появится тот, кто изменит этот порядок.Эйдан давно не верит в легенды. После гибели прежних товарищей он привык идти один, пока на его пути не появляется Бьорн — юноша, мечтающий стать героем.Вскоре к ним присоединяются Линн, бывшая жрица, и Орис, изгнанный учёный. Обычное путешествие превращается в опасное расследование: исчезают люди, мёртвые возвращаются из прошлого, а следы таинственной силы ведут к Россу — городу последней Башни.Там Эйдану предстоит встретиться не только с древней тайной Магией, но и с собственным прошлым.Потому что иногда пророчество начинается не с избранного героя, а с тех, кто однажды решает остаться рядом.

© Вэйн Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Легенда Семи Эпох 5
Глава 2 17
Солнечный щенок 17
Глава 3 29
Дверь 29
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Эллер Вэйн
Пока мы помним

Глава 1

Легенда Семи Эпох

На перекрёстке трёх старых дорог, там, где северный тракт спускался к болотам, восточный карабкался между серых каменных холмов, а южный тянулся через поля до самого горизонта, стояла деревня, которой на большинстве карт попросту не существовало. Её звали Серый Ручей, хотя никакого ручья, особенно серого, поблизости давно уже не было, и это несоответствие между названием и реальностью стало своего рода местной традицией — чем меньше правды оставалось в старых историях, тем бережнее их хранили. Старики утверждали, что когда-то, задолго до их рождения, через деревню действительно проходила широкая мутная вода, и после особенно сильного весеннего разлива она оставляла на камнях серый налёт, который не смывался годами, однако теперь от этого рассказа остались только две вещи: название и привычка местных говорить о прошлом так, словно оно случилось не с людьми, а с самим миром. В Сером Ручье вообще любили всё старое — старые стены, старые долги, старые обиды, — и в этом пристрастии к прошлому было что-то почти религиозное, потому что будущее здесь никогда не обещало ничего хорошего, а настоящее было слишком скудным, чтобы его обсуждать.

Серый Ручей не был красивым местом, хотя приезжие иногда находили в нём своеобразное очарование. Домики стояли слишком тесно, стены многих из них были залатаны досками, чужими кирпичами и даже кусками разобранных телег, крыши провисали под тяжестью старой соломы, а вдоль улиц после каждого дождя оставались глубокие лужи, в которых отражалось серое небо. На площади рос старый вяз, давно уже засохший сверху, но всё ещё упрямо выпускавший листья на одной кривой нижней ветке, и дети любили карабкаться по его корням, пока взрослые не видели, потому что корни эти были извилистыми и крепкими, как пальцы великана, и в них можно было представить себе целые крепости и подземные ходы. Здесь редко происходило что-нибудь действительно важное, а если происходило, то обычно люди узнавали об этом слишком поздно, потому что в Серый Ручей новости приходили вместе с торговцами, солдатами и случайными путниками и почти всегда оказывались уже наполовину перевёрнутыми, как рыба, которую не успели вовремя вытащить из сети. Местные давно привыкли к тому, что правда приходит к ним последней, и научились довольствоваться тем, что успевали пересказать друг другу до того, как она доберётся до их порогов.

Зато здесь умели слушать истории. В местной таверне «Старая Коряга» рассказы ценились почти так же высоко, как хороший эль, потому что за кружку можно было купить и то, и другое, а второе оставляло после себя гораздо более приятные мысли. Само здание таверны, построенное, по слухам, ещё до того, как Серый Ручей получил своё название, стояло на каменном фундаменте, который помнил времена, когда здесь ещё не было никаких дорог, и его толстые стены из тёмного, почти чёрного дерева впитали в себя столько дыма, пота и разговоров, что казались пропитанными самой историей. Путешественники приходили туда с дороги, стряхивали воду

с плащей, разматывали шарфы, ставили сапоги ближе к огню и спустя час уже не помнили, где заканчивалась правда и начиналось желание сделать свою собственную жизнь чуть интереснее. Один клялся, что видел на севере женщину, которая разговаривала с вороном и могла заставить его клевать врагов до смерти, другой утверждал, что служил в охране дворца и однажды лично видел корону из чёрного стекла, а третий рассказывал о подземном городе, где мёртвые якобы продолжали ходить по улицам, пока им не напоминали, что они мертвы. Никто не требовал доказательств, потому что в «Старой Коряге» уже давно установилось негласное правило: чем невероятнее история, тем охотнее её слушали, и это правило работало безотказно, как старый, но хорошо смазанный механизм.

Детям такие истории нравились особенно. Им не разрешали сидеть рядом со взрослыми столами допоздна, им говорили не повторять неприличные слова и не задавать лишних вопросов, но если в «Старой Коряге» появлялся рассказчик, дети всё равно находили способ оказаться поблизости, потому что любая сказка казалась важнее сна, даже если на следующий день нужно было вставать до рассвета и помогать родителям в поле. Они пробирались между столами, как маленькие тени, рассаживались на полу у очага, прятались за бочками и скамьями, и их глаза, широко раскрытые и жадные до чудес, следили за каждым движением рассказчика, словно он держал в руках не слова, а живых существ, которых можно было поймать и оставить себе навсегда. Старый Мерр прекрасно это знал и никогда не прогонял их. Он говорил, что слушатель должен сам прийти к рассказу, иначе половина волшебства пропадает, а когда трактирщик ворчал, что дети мешают взрослым разговаривать, только качал головой и отвечал, что взрослые всё равно говорят о скучном — о ценах на зерно, о войне на юге, о том, кто кому должен и кто кого обманул, — и что дети, по крайней мере, умеют удивляться, а это качество он ценил выше большинства взрослых добродетелей.

В тот вечер дождь начался ещё до заката и к ночи превратился в мелкое холодное упрямство, которое не ливнем обрушивалось с неба, а будто медленно просачивалось во все щели мира, заполняя собой каждую трещину, каждую впадину, каждое пустое пространство между словами и мыслями. Крыша таверны поскрипывала под потоками воды, как старый корабль, попавший в бурю, ставни дребезжали от ветра, и этот звук был похож на стук чьих-то костяных пальцев, пытающихся пробраться внутрь, дым из трубы то уходил вверх, то прижимался к стенам и затягивал двор сизым облаком, в котором утопали очертания соседних домов и деревьев. Внутри, наоборот, было жарко настолько, что у вошедших с улицы лоб сразу покрывался испариной, мокрая одежда начинала пахнуть ещё сильнее, а окна покрывались мутным налётом, скрывавшим от посетителей всё, кроме размытых пятен огней на соседних улицах. В воздухе смешивались запахи жареного мяса, лука, старого дерева, дешёвого вина, терпкого эля и чего-то сладкого, что готовилось на кухне, хотя сам хозяин упорно называл это «особым пирогом», не соглашаясь объяснить, из чего он сделан, и это нежелание делиться рецептом давно стало частью местного фольклора, породив не меньше легенд, чем иные древние пророчества.

У очага было особенно людно. Дрова потрескивали, время от времени стреляли искрами. Трактирщик тут же раздражённо отодвигал ближайшие кружки подальше, чтобы их не опалила горячая щепка, ведь кружки были старыми и дорогими его сердцу. Два возчика за длинным столом играли в кости, споря о том, кто кому должен монету, и их голоса перекрывали даже шум дождя, потому что спор о деньгах — это единственный вид спора, который никогда не заканчивается миром. Трое торговцев обсуждали дорогу к югу и каждый по очереди убеждал остальных, что

именно он знает короткий путь, хотя все трое прекрасно понимали, что короткий путь существует только в рассказах. Возле двери сидели четверо рабочих, которые уже достаточно выпили, чтобы говорить громко, но ещё недостаточно, чтобы начать драться, и их заразительный смех то и дело взрывался в углу. За самым дальним столом сидела женщина, пока её муж, не снимая мокрого плаща, молча смотрел в огонь, словно пытался понять, сколько ещё дождей выдержит крыша их дома, и в его глазах было столько усталости, что она казалась почти осязаемой, как ещё один слой тени в и без того тёмном углу.

На свободном пространстве возле камина тем временем устроились восемь детей. Кто-то сидел прямо на полу, поджав под себя ноги, кто-то забрался на низкую лавку и свесил босые пятки вниз, а самый маленький, которому едва исполнилось четыре года, сначала прятался за сестрой, но постепенно осмелел и теперь высовывался вперёд при каждом особенно страшном слове, готовый в любой момент нырнуть обратно в безопасную тень её юбки. Старшая девочка, темноволосая и серьёзная, старалась выглядеть взрослой и терпеливо шёпотом одёргивала младших, хотя сама не хотела пропустить ни одного слова и её пальцы, сцепленные на коленях, выдавали напряжение, которое она так старательно скрывала. Мальчик с рыжими волосами и ободранными коленями то и дело подпрыгивал на месте, не в силах усидеть от нетерпения, а две девочки помладше, похожие как две капли воды, сидели, прижавшись друг к другу, и их глаза были одинаково круглыми и блестящими. Перед ними на низкой скамье сидел Старый Тор, положив обе ладони на набалдашник тяжёлой трости, и в свете камина его лицо казалось высеченным из дерева: морщины собирались у глаз, тонкая борода терялась в тени, а один из уголков рта всё время поднимался, будто он знал какую-то шутку, которой не собирался делиться. Его трость была покрыта тонкой резьбой, которую почти невозможно было разглядеть в полумраке, но дети, сидевшие ближе всех, иногда замечали, как в глубине этих линий мелькают странные узоры, похожие на письмена или на корни деревьев, и от этого она казалась не просто палкой, а чем-то живым, что терпеливо ждёт своего часа.

— Ну что, — спросил Тор, оглядывая детей, и его скрипучий , как несмазанная дверь, голос разнёсся по затихшему залу, — на сегодня хватит историй или вы всё-таки готовы услышать ту, которую ваши родители надеялись от вас скрыть?

— Мама сказала, что ты всё выдумываешь, — немедленно отозвалась старшая девочка, и несколько детей захихикали, потому что это было смелее, чем спорить со взрослым напрямую, и в этом смехе была не только детская радость от чужой дерзости, но и что-то похожее на восхищение — ведь сказать такое старику, которого все уважали, могла только очень храбрая девочка или очень глупая.

Тор наигранно оскорбился, приложил ладонь к груди и тяжело вздохнул.

— Твоя мама говорит разумные вещи, девочка. Особенно когда не хочет, чтобы я учил тебя думать.

— А вы разве не врёте?

— Конечно, — без тени смущения ответил он. — Но хорошие истории не обязаны быть правдой, чтобы однажды оказаться важнее правды.

Среди взрослых кто-то усмехнулся, но уже через несколько секунд разговоры снова стихли, потому что Тор поставил трость между коленями, подался ближе к огню и переменил выражение лица. Шутливая морщинка у губ исчезла, глаза стали внимательными и неожиданно серьёзными, а голос опустился настолько, что детям пришлось придвинуться ближе, чтобы не пропустить начало. Он смотрел на них

так, словно собирался доверить не сказку, а чужую тайну, случайно пережившую несколько поколений.

— До начала не было ничего, — произнёс он.

У самых дверей кто-то тихо кашлянул, и где-то у стойки застучала поставленная на дерево кружка, но никто не обратил на это внимания, потому что голос старика уже захватил всех.

— Не было неба, не было земли, не было моря и не было огня, — продолжил Тор, медленно перебирая пальцами по набалдашнику трости, и его пальцы двигались по резьбе с такой осторожностью, словно он читал невидимые буквы. — Не было света, так как не было тьмы, и не было расстояния, потому что ещё не существовало места, откуда можно было бы уйти и куда можно было бы прийти. Не было времени, так как нечего было считать, и не было смерти, потому что никто не родился настолько раньше, чтобы однажды умереть. Не было даже одиночества, потому что одиночество появляется только тогда, когда ты знаешь, что рядом мог бы быть кто-то ещё, а знания тоже не существовало, ибо знание — это уже разделение, а его не было.

Он дал детям несколько секунд привыкнуть к этим словам, а затем едва заметно улыбнулся.

— Была только Тишина.

Один из мальчиков сразу поднял руку, но старик не дал ему заговорить.

— И не думайте, что это была холодная, мёртвая пустота. Тишина была тёплой, как утроба матери, и мягкой, как сон человека, которому впервые за много лет ничего не снится. В ней не было боли, страха и сожаления, потому что для всего этого нужен опыт, а никакого опыта ещё не существовало. Если бы вы оказались там, — он наклонился ближе, и его глаза, как колодцы, отразили пламя очага, — вы бы, наверное, решили, что это самое безопасное место в мире, и никогда бы не захотели уходить.

— А потом появился свет? — спросил младший мальчик, тот самый, что прятался за сестрой, и его дрожащий голосок прозвучал в наступившей тишине громче, чем следовало.

— Нет, — ответил Тор. — Всё началось не со света.

Он поднял указательный палец, и в этом жесте было столько значимости, что даже взрослые, стоявшие у стойки, перестали разговаривать.

— Всё началось с желания.

Мальчик нахмурился, а рядом с ним девочка задумчиво посмотрела на огонь, и в её глазах было что-то такое, что появляется у детей, которые слишком рано узнали, что желания не всегда исполняются.

— С желания быть услышанным.

Тор медленно вдохнул, и его грудь поднялась и опустилась под старой рубахой.

— Появилась искра и тишина вздохнула. Из этого вздоха родился Первый Камень, твёрдый, как воля, и Первая Вода, текучая, как мысль. Камень и Вода встретились, и никто не знает, что между ними произошло на самом деле, ведь тогда ещё не было ни языка, ни свидетелей, ни даже слова для того, что называется «встретиться». Но когда они переплелись, из их объятий поднялось Древо Мира.

Снаружи ударил гром, и несколько детей вздрогнули, однако Тор даже не повернул головы, и дети почувствовали себя в безопасности, словно старик был не просто рассказчиком, а щитом между ними и всем страшным, что существовало в мире.

— Корнями Древо ушло в Тишину, чтобы не забыть, откуда всё пришло, ветвями пронзило Искру, чтобы помнить, зачем всё началось, а между корнями и ветвями, в самом центре ствола, забилось Сердце. Там, говорили древние, всё живое обрело голос. Не только люди, заметьте, — он поднял глаза на сидевших неподалёку взрослых, и в этом взгляде была не укоризна, а скорее напоминание, — но и камень, вода, ветер, огонь, трава и даже тени тех, кто однажды будет похоронен.

Старшая девочка нахмурилась, и на её лбу появилась тонкая морщинка, которая делала её похожей на маленькую старушку.

— Камни действительно могли говорить?

— Могут и сейчас.

— Тогда почему я их не слышу?

— Может быть, они считают тебя слишком болтливой.

Таверна отреагировала смехом, но Тор не дал шутке разрушить настроение, и в его взгляде, когда он снова посмотрел на детей, было что-то, что заставило их понять: это была не просто шутка, а предупреждение.

— И с появлением Сердца начались Эпохи, семь больших витков мира, семь способов, которыми живое пыталось понять самого себя, — продолжил он. — Только первые шесть записаны в книгах, потому что те, кто писал их, уже были уверены, что история закончилась. Они ошиблись.

Он провёл ладонью по воздуху, будто переворачивал невидимую страницу, и дети, затаив дыхание, следили за этим жестом, словно за движением волшебной палочки.

— Первая Эпоха называлась Каменной.

Его голос стал чуть ниже, и в нём появилась тяжесть, которая, казалось, давила на плечи всех, кто слушал.

— Тогда мир был тяжёлым и почти неподвижным. Люди рождались из скал, их кожа напоминала камень, а их голоса звучали как скрежет по граниту. Они не знали боли, так как не понимали, что такое рана, но не знали и радости, потому что для радости нужен выбор, а они не умели выбирать. Они существовали так, как существует гора: без жалобы, без надежды и без вопроса, зачем она стоит.

— И им не было скучно? — спросил рыжий мальчишка, тот самый, что не мог усидеть на месте, и его голос был полон искреннего недоумения.

— Для скуки нужно хотеть чего-нибудь другого, — ответил Тор. — А они не хотели. Тогда Древо впервые пожалело своё творение. С одной из его ветвей упала капля смолы, которую древние назвали Слезой Древа. Там, где она коснулась земли, появилась первая трава. А вместе с травой в мир пришла Магия.

Теперь уже замолчали даже взрослые, и в таверне стало так тихо, что слышно было, как за окном задувал ветер. Эта часть легенды была всем знакома, но Тор рассказывал её иначе, чем принято в храмовых книгах, и в его версии было что-то, что заставляло слушателей чувствовать себя не зрителями, а участниками.

— Магия не была заклинанием, не была огненной рукой и не была сияющим кругом, — сказал он. — Магия была языком, на котором говорил сам мир. Ветер мог предупредить путника о буре, вода могла помнить имя человека, который когда-то утонул в ней, кровь могла рассказать, где пролилась, а огонь мог различить того, кто пришёл греться, и того, кто пришёл сжечь дом. Люди услышали этот язык и решили, что если они его слышат, то должны принадлежать ему.

Тор усмехнулся, и в этой усмешке была горечь, которую дети, возможно, не поняли, но взрослые почувствовали очень хорошо.

— Люди вообще часто путают возможность с правом. И тогда началась Вторая Эпоха — Огненная.

Он рассказывал о ней дольше, чем о любой другой. О городах, которые строили на вершинах облаков, о мостах, которые держались в воздухе лишь на словах, о врачах, способных остановить кровь одним прикосновением, о кузнецах, заставлявших металл петь, и о воинах, которые умели видеть движение противника ещё до того, как тот сам решался сделать шаг. Дети слушали, раскрыв рты, а взрослые время от времени обменивались взглядами, потому что некоторые вещи, считавшиеся в старые времена сказками, люди в деревне знали уже по другим причинам: разрушенные фундаменты старых магических дорог всё ещё встречались на полях, а в лесах иногда находили камни, которые отказывались замерзать зимой, и эти камни, тёплые на ощупь, были немыми свидетелями того, что легенда не так уж далека от правды.

— Но Магия никогда не была подарком, — сказал Тор, когда рассказ достиг своей самой красивой части, и его голос, до этого наполненный красками и образами, стал сухим и жёстким, как старая корка хлеба. — Она была долгом. За каждое пламя приходилось платить тенью, за каждую жизнь — какой-нибудь утратой, за каждое изменение мира — изменением самого себя. Только Слышащие не хотели этого слышать.

— Почему?

— Потому что человеку проще считать подарком то, за что он не сразу видит цену.

Мерр рассказал, как Древо разделило людей на Слышащих и Молчащих, как первые услышали голос мира, а вторые сохранили способность существовать без него, и как появился старый закон: «Слышащий ведёт, Молчащий строит, но никто не властен над Сердцем». Эта фраза вызвала у взрослых больше реакции, чем у детей. Кто-то тихо хмыкнул, одна женщина отвела взгляд, мужчина у двери сжал челюсть так, что на скулах заиграли желваки, а хозяин таверны несколько раз без причины протёр и без того чистую деревянную стойку, словно пытаясь стереть не грязь, а саму память об этих словах.

Мерр заметил всё это, но не стал комментировать, потому что понимал: некоторые вещи не нуждаются в комментариях, они сами по себе достаточно красноречивы.

— А потом пришла Стеклянная Эпоха, — сказал он, и его голос стал тише, как будто он боялся, что даже стены таверны могут услышать и запомнить эти слова.

— Слышащие поверили, что, если они могут слышать мир, значит, они имеют право им управлять. Они возвели Семь Башен, по одной на каждую большую ветвь Древа, и в каждой спрятали по осколку коры. С их помощью они хотели сделать невозможное: добраться до самой Тишины, которая существовала до мира, и заставить её отвечать на вопросы. Им казалось, что если узнать первый голос, то можно стать последним властелином всего остального.

— Получилось?

— Получилось хуже. В Башнях появилось Эхо.

На этот раз никто не засмеялся, и даже те, кто не слушал, теперь повернулись к старику, потому что в его голосе было что-то, от чего по спине пробегал холодок.

— Оно говорило со Слышащими их же голосами. Оно знало их страхи, потому что слышало их мысли. Оно знало их тайны, потому что человек чаще всего говорит о себе даже тогда, когда считает, что молчит. И самое страшное заключалось в том, что Эхо почти никогда не лгало.

Девочка тихо спросила, и её голос дрожал, как пламя свечи на ветру:

— А что оно говорило?

— То, чего человек больше всего не хотел слышать.

В комнате стало заметно тише, и даже дождь за окном, казалось, притих, чтобы не мешать этим словам.

— Некоторые Слышащие убили своих учеников. Некоторые отказались от собственных имён. Некоторые прыгнули с Башен, лишь бы больше никогда не слышать голос внутри головы. А потом стало ясно, что Эхо невозможно запереть обратно, и тогда Древо заговорило.

Старик выпрямился, и в его осанке появилась торжественность, которая делала его похожим на жреца или на судью.

— Оно произнесло Пророчество.

За столами перестали шевелиться. У одного из возчиков рука так и застыла над игральной костью, и кость эта, белая и гладкая, казалась в его пальцах чем-то чужим и неуместным. Женщина с ребёнком медленно подняла взгляд от огня, и в её глазах, усталых и глубоких, появилось что-то, что делало её похожей на человека, который вспомнил забытый сон. Даже те, кто делал вид, будто не слушает, теперь слушали очень внимательно, потому что в голосе старика была такая сила, что она заставляла слушать даже камни.

Мерр проговорил первые строки медленно, почти по словам, будто боялся произнести их неправильно, и его голос звучал в наступившей тишине, как колокол, раскачивающийся над спящим городом.

— «Когда седьмая башня падёт, а Слышащий узрит своё лицо в глазах Молчащего, явится тот, кто не носит имени, но носит Сон — не как отдых, а как оружие».

Он сделал паузу, и за окном дождь словно стал громче, и его стук, резкий и настойчивый, казался стуком чьих-то пальцев по стеклу.

— «Он будет плакать над водой, которую не может выпить, и смеяться над пеплом, который не может развеять. Ибо он пришёл не разрушать, но уравнять — снять с Магии её голос, чтобы Камень вновь стал камнем, а Вода — водою».

Старший из слушавших мужчин нахмурился, и на его лице, обветренном и грубом, появилось выражение, которое бывает у людей, услышавших нечто, что их не касается, но всё же тревожит.

— Плохая сказка для детей.

— Тогда лучше подержи детей подальше от истории, — сухо ответил Мерр, не поворачивая головы, и в его голосе было столько холода, что мужчина невольно отступил на полшага.

Кто-то усмехнулся, но напряжение никуда не делось, и в этой усмешке было больше нервозности, чем веселья.

— «Он будет отвергнут Слышащими, но оплакан Молчащими, ибо в его груди бьётся Сердце, изъеденное солью чужой вины», — продолжил старик. — «И когда он коснётся Сердца Древа, мир замрёт на миг — и в этом замирании каждый увидит себя таким, каким он был до первой Искры».

Мальчик у самого края лавки сглотнул, и его кадык дёрнулся, как у взрослого.

— А потом он спасёт мир?

Мерр смотрел на него слишком долго, и в этом взгляде было что-то, от чего мальчик почувствовал себя не ребёнком, а человеком, которому предстоит сделать выбор.

— А потом, — наконец сказал он, — либо мир проснётся, либо утонет в собственном вздохе.

За столом возле стены кто-то пробормотал ругательство, и кто-то другой тихо засмеялся, пытаясь снять напряжение, однако никто не спросил, зачем Древу понадобилось оставлять миру такое пророчество, потому что все и так знали ответ: Древо не оставляло пророчеств, оно оставляло предупреждения.

Мерр сам продолжил, потому что тишина, повисшая в таверне, была слишком тяжёлой, чтобы её можно было выдержать без слов.

Он рассказал о Железной Эпохе, когда Слышащие испугались собственных знаний и попробовали запереть Магию правилами. Они создали Орден Молота, чтобы карать тех, кто пользовался даром против воли Башен, и поставили в городах Подавители — кристаллы, которые гасили Магию так же легко, как порыв ветра гасит свечу. Они проверяли детей, следили за семьями и особенно боялись Сонных — тех, кто мог видеть Сны наяву и иногда просыпался уже знающим то, чего никогда прежде не видел. Эти Сонные, по словам Мерра, были не просто изгоями, они были живым напоминанием о том, что мир не подчиняется правилам, которые для него придумали, и что Сердце Древа бьётся не по чьей-то указке, а по своему собственному ритму.

Затем была Травяная Эпоха, менее величественная и потому, пожалуй, самая важная из всех. Молчащие научились строить свою жизнь без магии. Они выращивали хлеб, обрабатывали землю, строили корабли, растили детей, влюблялись, старели и хоронили мёртвых, и постепенно в их сердцах зародилось не просто раздражение, а настоящее чувство несправедливости. Сначала они задавали вопросы, потом произносили их вслух, затем начали собираться по ночам, и наконец шёпот стал таким густым, что его уже нельзя было не услышать.

— Почему Древо разделило нас? — спросила женщина у очага, и это был уже не вопрос ребёнка, а человека, давно знающего, что у любой легенды есть политическая сторона, и что ответ на такой вопрос всегда важнее самого вопроса.

Мерр покосился на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Хороший вопрос.

— А ответ?

— Плохой.

Несколько человек невольно улыбнулись, но улыбки эти были невесёлыми, потому что все понимали: старик говорит не о прошлом, а о настоящем.

— Потому что иногда люди ищут виноватого там, где виноватых не было, — продолжил он. — А иногда находят виноватых там, где все считают их невиновными.

Он говорил о нынешней эпохе осторожнее, потому что разговор уже не был сказкой о далёких временах, разрушенные Башни существовали в памяти некоторых людей, а Росс не был древним городом из песен: туда всё ещё ехали купцы, оттуда приходили приказы, а под его улицами, если верить слухам, до сих пор находился последний осколок Сердца. Одни утверждали, что тот, кто прикоснётся к нему, услышит голос Тишины и сможет переписать закон, другие шептали, что под Россом уже бродит Тень, которой нужна не Сила, а Прощение, и эти два слуха, противоречащие друг другу, существовали одновременно, как существуют одновременно надежда и страх в сердце человека, стоящего перед закрытой дверью.

Мерр долго смотрел в огонь, прежде чем произнести последние слова, и в его глазах, отражавших пламя, было что-то, что делало его похожим на человека, который видит будущее, но не может его изменить.

— И, наконец, Седьмая Эпоха.

Дети придвинулись ближе, и даже взрослые, стоявшие у стойки, сделали шаг вперёд.

— Та, которой нет в свитках, потому что свитки пишут те, кто думает, что история уже случилась. А Седьмая Эпоха пишется сейчас — кровью и слезами, на песке и на коже. Пророк не пришёл. Он уже здесь. Он не носит оков. Он сам выбрал свои цепи. Он не злодей и не герой, потому что такие слова слишком просты для человека, который хочет исправить мир ценой самого мира.

В таверне стало так тихо, что слышно было, как капли воды стекают с плащей возле двери, и этот звук, размеренный и настойчивый, казался отбивкой времени, которое уже не остановить.

— Он тот, кому Древо показало Сон о том, как мир плачет, — завершил Мерр. — И он решил, что лучше тишина, чем этот плач.

Никто не заговорил сразу. Дети смотрели на старика, ожидая продолжения, а взрослые смотрели каждый куда-то в свою сторону, словно вдруг вспомнили вещи, о которых не хотели думать. Кто-то смотрел на кружку, кто-то на мокрое окно, кто-то на огонь, и только человек в самом дальнем углу продолжал сидеть неподвижно, будто вся история не имела к нему никакого отношения.

Его звали Эйдан.

Он сидел там уже давно, настолько долго, что его присутствие постепенно стало частью таверны, как тёмная балка под потолком или щербатая каминная плита. На нём был потёртый кожаный доспех, поверх которого лежал тёмный плащ с несколькими заплатами, сапоги выглядели слишком тяжёлыми для мирного путешественника, а рядом со стулом стоял щит, покрытый множеством мелких царапин. Его меч лежал под столом так, чтобы до рукояти можно было дотянуться без лишнего движения, а у сапог скрывались маленькие ножи, о существовании которых большинство присутствующих не подозревало. Он не выглядел человеком, которого можно легко запомнить, и всё же его лицо почти невозможно было забыть, если посмотреть внимательно.

Глубокий шрам рассекал левую бровь, заставляя её чуть приподниматься, будто даже в покое Эйдан насмешливо смотрел на окружающих. Чёрные волосы были густыми, но седина уже пробилась на висках, а короткая борода была аккуратно подстрижена, слишком аккуратно для человека, который с виду давно перестал заботиться о большинстве вещей. Стальные серые глаза казались почти бесцветными в тени, и под ними лежали тяжёлые тени бессонных ночей, которые не могли скрыть даже отблески огня. Правая рука, от запястья до локтя, была покрыта старыми ожогами, и эти ожоги, неровные и тёмные, были похожи на карту какого-то чужого мира, мира, в котором боль стала географией. Эйдан не скрывал их. Он вообще многое делал так, будто намеренно отказывался от удобства, если удобство могло скрыть память.

Перед ним стояли три кружки. Две пустые. Одна почти полная. Он смотрел в неё, хотя давно уже не видел в ней ни пены, ни смысла. Алкоголь не помогал ему забывать. Он помогал не пытаться вспомнить. Разница была небольшой, но для Эйдана за последние годы она стала почти философией, потому что забыть — это активное действие, требующее силы, а не пытаться вспомнить — это просто позволить времени делать свою работу, медленно и безжалостно.

Когда Мерр заговорил о Пророке и Сне, Эйдан не поднял головы. Он просто почувствовал, как что-то неприятно сжалось под рёбрами, как будто внутри него, в самом центре груди, кто-то сжал кулак. Не от страха. Страх был слишком ясным чувством, а он давно предпочитал неясные. Тревога была хуже, потому что не имела формы. Она могла быть похожа на ощущение, когда просыпаешься ночью и ещё до того, как открыл глаза, понимаешь, что в комнате кто-то есть. Она могла напоми-

нать боль в старой ране перед дождём. Она могла быть просто памятью, которой не хватило сил превратиться в сон. И иногда она звучала словами. Не надо.

Эйдан медленно сжал пальцы на кружке. Дерево хрустнуло под ладонью, и этот звук, тихий и резкий, прозвучал в наступившей тишине громче, чем следовало. Он ослабил хватку, но не сразу, а через несколько секунд, в течение которых его пальцы, побелевшие от напряжения, медленно возвращали себе цвет.

— Всё хорошо? — спросил из-за стойки трактирщик, и в его голосе было больше любопытства, чем заботы.

— Конечно.

— Ты кружку сломаешь.

Эйдан посмотрел на неё, словно действительно только сейчас заметил, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Жаль.

Трактирщик фыркнул.

— Она старше тебя.

— Тогда пусть порадуется, что умрёт не в одиночестве.

За соседним столом кто-то прыснул со смеху, а трактирщик покачал головой, не решив, был ли это ответ или оскорбление. Эйдан уже не смотрел на него. Он снова слушал Мерра, хотя сам себе не мог объяснить зачем. Сон. Оружие. Сердце, изъеденное чужой виной. Слова цеплялись друг за друга в памяти, и от этого в груди становилось неприятно тесно, как будто там, внутри, было слишком много всего, и это всё не могло найти выход.

Когда-то давно он уже видел то, чему не должен был видеть. Он тогда не знал, что это имеет название. И уж тем более не знал, что этим можно сделать. Он думал, что сходит с ума. Иногда до сих пор думал. Потому что несколько лет назад его сны были просто снами. Потом перестали. Теперь там всегда кто-то ждал. Иногда лица были знакомыми. Иногда — нет. Иногда он просто стоял посреди чёрного пространства и слышал голоса тех, чьи имена не произносил днём. Они ничего ему не приказывали. Не обвиняли. Не просили о помощи. От этого всё становилось ещё хуже, потому что Эйдану казалось, будто они уже не нуждаются в нём вообще.

Он потёр подбородок, и его пальцы прошлись по короткой щетине, которая уже начинала превращаться в бороду.

Ещё один сон, и ты начнёшь верить в эти сказки.

Он не любил легенды. Особенно те, в которых пророчества исполнялись. Особенно те, в которых человек должен был что-то выбрать. Эйдан слишком хорошо знал цену выбора. Он знал её так, как знает кузнец жар горна, как знает моряк вкус соли, как знает солдат вес меча в руке перед боем. Выбор — это всегда потеря. Ты выбираешь одно, и теряешь другое, и нет никакой силы, никакой магии, никакого пророчества, которые могли бы это изменить.

— Хорошая история, — сказал кто-то рядом, и голос этот вырвал Эйдана из его мыслей, как рука вырывает человека из воды.

Эйдан повернул голову. Соседний стол занимал мужчина лет пятидесяти, с красным от выпивки носом, длинными усами и жилетом такого цвета, будто он однажды решил, что красное делает человека моложе, и так и не передумал. Мужчина держал кружку обеими руками и смотрел на Эйдана с любопытством человека, которому скучно настолько, что чужая жизнь кажется неплохим развлечением.

— Особенно про Пророка, — добавил он. — Такие вещи всегда хорошо идут под пиво. Люди любят думать, что конец света случится не сегодня.

Эйдан лениво посмотрел на него, и в его взгляде не было ни интереса, ни враждебности, только усталость.

— Удобная мысль.

— А ты разве не любишь легенды?

— Я предпочитаю счета. Они хотя бы заканчиваются одинаково.

Мужчина хохотнул, и его смех, громкий и немного натужный, привлёк внимание нескольких человек за соседними столами.

— Ты не местный.

— Видимо, это настолько заметно.

— В Сером Ручье я всех знаю. Ты не из тех, кого я видел раньше. А ещё у тебя лицо человека, который либо много воевал, либо очень серьёзно ненавидит свою работу.

— И то и другое.

Сосед кивнул, словно ответ его удовлетворил, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Солдат?

— Нет

— Охотник?

— Иногда.

— Наёмник?

— Иногда.

— Тогда кто ты?

Эйдан отхлебнул из кружки, помедлил и ответил, и его голос, низкий и ровный, прозвучал в шуме таверны так, словно он говорил не с соседом, а с самим собой.

— Сегодня — пьяный человек, который хочет, чтобы его оставили в покое.

— А завтра?

— Завтра меня будет волновать завтра.

Мужчина усмехнулся и поднял ладони, показывая, что сдаётся, но в его усмешке было что-то, что говорило: он не верит ни одному слову, и это его забавляет.

— Ладно. Сдаюсь. Но имей в виду, если ты окажешься убийцей, я тебя запомню.

— Все так думают, пока не начинают забывать.

Сосед перестал улыбаться, и его лицо, красное и обветренное, вдруг стало серьёзным, как будто он увидел что-то, что не хотел видеть. Эйдан понял, что сказал лишнее. Он отвернулся, и в его памяти, как всегда неожиданно, всплыл обрывок другого стола. Другой комнаты. Другого вечера. Смех людей, которых больше нет. Чья-то ладонь, ударившая его по плечу. Звук заточаемого клинка. Запах горящего масла. Потом вспышка. Он закрыл глаза на секунду. Всего на секунду. И увидел чужое лицо. Обугленное. С пустыми глазами. Он снова открыл их. Таверна была на месте. Огонь горел. Дождь стучал по крыше. Кто-то смеялся. Мир продолжал существовать, несмотря на всё. Это всегда поражало его больше всего. Мир никогда не останавливался ради мёртвых. Он просто шёл дальше. Иногда Эйдану казалось это величайшей жестокостью из всех.

Когда Мерр произнёс слово «Росс», Эйдан наконец поднял голову. Город. Слово было простым. Обычным. Но память отреагировала слишком быстро. Не воспоминанием. Болью. Где-то глубоко, под старым ожогом, в груди возникло знакомое ощущение, будто тело вспомнило то, что разум предпочёл забыть. Он не знал почему. И это ему не понравилось.

— А кто, по-вашему, этот Пророк? — спросила у Мерра старшая девочка, и её голос, тонкий и настойчивый, прозвучал в наступившей тишине громче, чем следовало.

Эйдан снова посмотрел на старика. Тот на несколько секунд задумался, и на его лице мелькнуло что-то, что делало его похожим на человека, который знает ответ, но не уверен, что его стоит произносить.

— Это зависит от того, веришь ли ты, что Пророки рождаются.

— А разве не рождаются?

— Иногда они становятся.

— Как?

— Очень просто, — сказал Мерр. — Сначала человек теряет что-то, чего не может вернуть. Потом понимает, что мир не собирается ему за это ничего объяснять. Потом он начинает искать виноватого. А если ищет достаточно долго, однажды находит идею, которой можно оправдать всё остальное.

Эйдан медленно поставил кружку. Ему не нравилось, как старик говорит. Слишком точно, слишком безжалостно. Будто не рассказывал легенду, а вспоминал чью-то биографию. Мерр вдруг посмотрел прямо на него. И Эйдану показалось, что старик знает. Что именно — он не понял. Но глаза Мерра на мгновение задержались на его правой руке. На ожогах. Эйдан инстинктивно убрал ладонь под край стола. Старик отвёл взгляд.

— А иногда, — продолжил он, — люди сами придумывают себе пророчество, потому что обычная жизнь кажется им слишком маленькой для той боли, которую они носят.

Эйдан больше не слушал. Он решил уйти. На улице было холодно, мокро и темно, но по крайней мере там его никто не пытался сделать персонажем древней легенды.

Глава 2

Солнечный щенок

Эйдан вышел из таверны ближе к вечеру, когда день уже начал незаметно отступать перед холодом. Небо над городом было серым, не таким тяжёлым, как ночью, но уже достаточно тусклым, чтобы окна домов постепенно загорались одно за другим, словно люди внутри зажигали свечи не ради света, а просто потому, что так было принято. Воздух оказался гораздо холоднее, чем он ожидал, и сразу пробрался под ворот плаща, нашёл щель между кожей и ремнём доспеха, коснулся шеи ледяными пальцами. Эйдан машинально поправил плащ и посмотрел вдоль улицы, где прохожих становилось всё меньше, а редкие голоса растворялись в звуке шагов, скрипе телег и закрывающихся дверей.

Город в такие часы становился другим, хотя днём это было почти незаметно. Пока люди ещё ходили по улицам, торговцы спорили о цене, носильщики таскали мешки, а хозяева лавок ругались с поставщиками, можно было представить, будто здесь всё ещё существует какая-то важная жизнь, в которой у каждого есть дело, место и причина спешить. Но ближе к вечеру город начинал постепенно пустеть, и вместе с людьми из него уходило ощущение необходимости, которое держалось на каждом движении. Оставались только те, кому ещё некуда было идти, те, кто возвращался слишком поздно, и те, кому было всё равно, который сейчас час.

Эйдан шёл не спеша, потому что спешить ему было некуда. Сапоги тяжело отдавали в камень, и каждый шаг звучал немного громче, чем хотелось бы, особенно теперь, когда улица почти опустела. Он держал правую руку свободной и иногда чувствовал, как старые ожоги неприятно тянет от холодного воздуха, хотя боль была не сильной и скорее напоминала о себе по привычке, чем действительно требовала внимания. К таким ощущениям он привык настолько, что давно уже воспринимал их как часть собственного тела, как старые царапины на щите или седину, которую однажды замечаешь, а потом перестаёшь замечать вовсе.

Мимо него прошёл человек с мешком на плече, торопливо втянув голову в воротник. В другой стороне улицы женщина закрывала ставни, а мальчик рядом с ней пытался удержать их, повиснув на деревянной створке всем весом, пока мать раздражённо оттаскивала его в сторону. Где-то дальше хлопнула дверь, кто-то коротко выругался, и почти сразу после этого город снова затих, как будто все эти звуки были последними попытками дня задержаться ещё на несколько минут. Эйдан смотрел на происходящее без особого интереса, но отмечал привычно всё: кто стоит у двери, кто идёт слишком быстро, у кого руки заняты, кто оглядывается, кто не смотрит по сторонам вовсе.

Он всегда смотрел. Это было одной из тех привычек, которые когда-то помогали ему выжить, а потом стали настолько естественными, что уже не требовали усилия. Даже сейчас, когда рядом не происходило ничего опасного, он замечал отражения в окнах, тёмные промежутки между домами, открытые двери и узкие переулки, где свет исчезал раньше, чем на основной улице. Мир редко предупреждал о неприятностях заранее, но иногда давал достаточно мелких намёков, чтобы человек мог решить, хочет ли он всё ещё идти дальше.

Возле одного из таких переулков Эйдан заметил троих мужчин. Они стояли чуть в стороне от дороги, почти в тени, и на первый взгляд в них не было ничего осо-

бенного, кроме того, что они слишком плотно окружили кого-то четвёртого. Между их плечами и тёмными силуэтами домов виднелся подросток, который пытался держаться прямо, хотя расстояние между ним и стеной оставляло ему слишком мало пространства для манёвра. Один из мужчин что-то говорил ему, второй стоял чуть сбоку, небрежно прислонившись к кирпичной кладке, а третий время от времени поглядывал на улицу, будто следил, чтобы никто не подошёл слишком близко.

Эйдан замедлил шаг, но останавливаться не стал. Его взгляд задержался на происходящем всего на несколько секунд, после чего он снова посмотрел вперёд. Трое против одного было обычным соотношением для людей, которые слишком уверены в себе и слишком мало рискуют, потому что знают: если противник слабее, численное преимущество почти всегда убеждает их окончательно. Таких сцен в городах хватало, чтобы невозможно было вмешаться во все, даже если бы человек зачем-то решил сделать это своей жизненной обязанностью.

Он прошёл мимо.

Не потому, что не заметил. Не потому, что не понял. И уж точно не потому, что ему было всё равно. Просто Эйдан слишком хорошо знал, чем заканчивается привычка считать чужие неприятности своими, и давно научился не хвататься за каждый повод проверить, насколько хорошо ему сегодня удаётся игнорировать собственные принципы.

Он сделал ещё несколько шагов. Переулок остался за спиной, а вместе с ним остались и приглушённые голоса, которые почти сразу снова растворились в пустом городе. Эйдан уже подумал о том, что, возможно, на этот раз всё действительно закончится без его участия, когда за спиной прозвучал голос, ленивый и насмешливый, слишком громкий для такой пустой улицы.

— Отдай деньги, герой, — протянул первый из мужчин, нарочно выделив последнее слово и усмехнувшись так, будто уже представлял, как жертва пытается оправдать своё поражение.

Эйдан остановился. Он не повернул голову сразу, просто замер на месте, слушая продолжение, которого сначала не последовало. Потом услышал голос подростка, тихий и сбивчивый, будто тот пытался что-то сказать, но слова застревали у него в горле раньше, чем успевали превратиться в нормальную фразу.

— Я… я не… — Парень снова запнулся, судорожно втянул воздух и попытался начать сначала. — У меня нет…

Один из бандитов хмыкнул, а второй тихо рассмеялся. Эйдан услышал этот смех и прикрыл глаза на мгновение, будто надеялся, что открыв их снова, окажется в другом месте. Он, конечно, мог продолжить идти., более того, это было бы самым разумным решением, если под разумом понимать исключительно желание не тратить силы на чужие проблемы.

Он мог дойти до другого конца улицы, свернуть, найти место потеплее и совершенно справедливо сказать себе, что не обязан быть спасителем каждого человека, который однажды оказался не в той переулочной тени.

Вместо этого он развернулся.

Двигался он спокойно, без резких жестов, так, будто просто забыл что-то важное и решил вернуться. Трое мужчин не сразу заметили его приближение, а когда заметили, первый уже успел отойти на шаг от подростка, второй выпрямился у стены, а третий повернул голову. Парень тоже посмотрел в сторону Эйдана, и в его лице на мгновение мелькнуло что-то похожее на надежду, слишком открытое и яркое для человека, который ещё секунду назад пытался не показывать страх.

Эйдан остановился в нескольких шагах от них. Он окинул взглядом троих мужчин, потом подростка, потом снова мужчин, будто хотел убедиться, что ситуация действительно настолько нелепа, насколько кажется со стороны. Один из бандитов хмыкнул и переместил вес с одной ноги на другую, явно собираясь что-то сказать, но Эйдан заговорил первым.

— Продолжайте, — произнёс он ровно, почти безразлично, слегка склонив голову набок. В его голосе не было угрозы, и от этого фраза прозвучала почему-то неприятнее, чем если бы он повысил голос.

Первый мужчина усмехнулся и провёл языком по внутренней стороне щеки, словно пробовал на вкус собственную уверенность.

— Тебе какое дело?

Эйдан посмотрел на него без выражения. Он даже не потрудился ответить сразу, будто вопрос требовал слишком серьёзного размышления для столь позднего часа.

— Никакого.

— Тогда иди дальше, — бросил мужчина, широко расправив плечи. На его лице появилась самодовольная улыбка человека, который решил, что уже победил хотя бы словами.

Эйдан слегка прищурился.

— Уже шёл.

Бандит нахмурился, явно не понимая, шутят над ним или нет. На секунду он оглянулся на своих товарищей, но те тоже ничего не сказали. В переулке повисла короткая пауза, заполненная только звуком ветра, который трепал край плаща Эйдана.

— И что же заставило тебя вернуться? — спросил второй, оттолкнувшись плечом от стены. Он улыбался уже осторожнее и разглядывал Эйдана внимательнее, чем первый, словно пытался понять, насколько тот опасен.

Эйдан перевёл на него взгляд.

— Вы слишком громко разговаривали.

Второй нахмурился.

— Чего?

— Я хотел тишины.

Первый бандит раздражённо сплюнул на землю и шагнул вперёд.

— Тогда тебе не повезло.

Эйдан посмотрел на него, и насмешливый шрам над левой бровью на мгновение сделал лицо почти весёлым.

— Это взаимно.

Подросток стоял у стены и смотрел на Эйдана так, словно тот только что сказал нечто невероятно мудрое. Эйдан заметил этот взгляд боковым зрением и почти сразу пожалел, что вообще открыл рот.

Первый мужчина усмехнулся. Он был плотным, широкоплечим и чуть ниже Эйдана, с тяжёлой челюстью и лицом человека, который слишком часто считает чужую уступчивость доказательством собственного превосходства. Второй оказался худее, с длинными руками и привычкой чуть сутулиться, словно он всегда ждал удобного момента ударить, а не вступать в честную драку. Третий был самым молчаливым из них, и именно поэтому Эйдан уделил ему больше внимания, потому что молчаливые редко оказываются умнее, но почти всегда бывают осторожнее.

Первый решил не тянуть время и сразу напасть.

Он двигался достаточно быстро для человека, который рассчитывал на эффект неожиданности, но недостаточно быстро, чтобы удивить Эйдана. Тот немного сместился в сторону, и в следующий момент локоть его правой руки коротко и точно вошёл противнику в нос. Раздался глухой хруст, мужчина отшатнулся, схватился за лицо обеими руками и почти сразу согнулся, зажимая кровь ладонями.

— Чёрт! — выдохнул он, закрывая нос и глядя на собственную ладонь с почти детским недоверием.

Эйдан уже не смотрел на него. Второй шагнул вперёд. Он попытался ударить Эйдана сбоку, но тот уже видел его движение и успел развернуться раньше, чем кулак дошёл до цели. Нога Эйдана скользнула вперёд, удар пришёлся точно в колено, и мужчина сдавленно вскрикнул, потерял опору и рухнул на одно колено.

— А-а! — вырвалось у него, пока он обеими руками вцеплялся в ногу. Его лицо мгновенно побледнело, а прежняя усмешка исчезла так быстро, будто её никогда и не было.

Третий не напал.

Он остановился, глядя на двух товарищей, и впервые в его лице появилось сомнение. Эйдан посмотрел на него, затем спокойно вынул нож. Движение было почти ленивым, без замаха и без демонстрации, но клинок оказался возле горла мужчины раньше, чем тот успел решить, стоит ли ему отступать.

— Я бы на твоём месте не проверял, насколько далеко сегодня зашло моё терпение, — сказал Эйдан тихо.

Мужчина сглотнул. Его взгляд метнулся к лезвию, затем поднялся к глазам Эйдана, и там уже не осталось прежней уверенности.

— Я… понял.

Эйдан немного повернул нож, не отводя его от горла.

— Надеюсь.

Он убрал оружие первым.

Третий посмотрел на нож, потом на своих товарищей и, наконец, отступил на шаг. Решение далось ему заметно легче после того, как стало понятно, что остальные двое больше не представляют собой силу, на которую можно опереться. Мужчина развернулся и исчез за углом, даже не попрощавшись.

— Эй, подожди! — крикнул ему первый, всё ещё зажимая нос, но тот даже не обернулся.

Эйдан посмотрел на оставшихся двух.

— И вы тоже.

Первый нехотя поднялся, продолжая держать руку у лица.

— Ты сломал мне нос.

— Поздравляю.

— Что?

Эйдан устало вздохнул.

— Теперь он будет выглядеть солиднее.

Второй, всё ещё сидевший на одном колене, коротко рассмеялся от боли и тут же поморщился, схватившись за ногу.

— Ты псих, — пробормотал он.

— Возможно.

Первый бросил на Эйдана осторожный взгляд, затем помог товарищу подняться. Мужчины поплелись следом за третьим, прихрамывая и ругаясь вполголоса. Эйдан не помогал ни одному из них и не смотрел им вслед, потому что на этом история для него закончилась. Драка заняла меньше времени, чем обычно занимал спор

о цене комнаты в дешёвой гостинице, и, если не считать крови на лице одного мужчины и боли в колене второго, никто не умер, а значит, день можно было считать почти удачным.

Эйдан повернулся к спасённому. Он ожидал увидеть перепуганного подростка, возможно, худого, растерянного и настолько благодарного, что это само по себе стало бы ещё одной проблемой. Вместо этого перед ним оказался человек такого роста, что Эйдану пришлось слегка поднять голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Парень был огромным, почти под два метра, широкоплечим, ещё не набравшим настоящую взрослую массу, но уже достаточно крепким, чтобы выглядеть скорее как будущий воин, чем как подросток, который случайно оказался не в том месте.

За его спиной висел башенный щит, настолько большой, что казался частью отдельного снаряжения для осады. Он закрывал значительную часть спины и выглядел не как оружие, которое можно удобно носить, а как предмет, который просто однажды решит, что сам будет идти рядом с хозяином. Рядом с ним находился огромный меч, и даже сейчас, когда парень не держал его в руках, было ясно, что оружие подобрано не под его нынешние возможности, а под то, каким он хотел однажды стать. Эйдан несколько секунд смотрел на эту нелепую, огромную фигуру, потом перевёл взгляд на лицо и наконец спросил:

— Ты серьёзно не мог сам их побить? — спросил он, чуть нахмурив брови. Интонация была почти сухой, но в глубине голоса слышалось искреннее недоумение, словно Эйдан действительно пытался сопоставить огромный щит, меч и только что увиденный страх.

Парень покраснел. Это было заметно почти сразу, потому что кожа у него была светлая, а на переносице и щеках виднелись веснушки. Он открыл рот, словно собирался ответить, но снова запнулся, как и тогда, когда пытался заговорить с бандитами.

— Я мог, — сказал он наконец, но произнёс это слишком тихо, а потом быстро добавил, словно сам почувствовал необходимость оправдаться: — Правда.

Эйдан поднял бровь.

— Уверен? — переспросил он, слегка качнув головой в сторону переулка. В его голосе появилась сухая нотка недоверия.

Бьорн кивнул.

— Наверное.

— Это уже звучит убедительнее.

Парень снова покраснел и опустил взгляд на собственные сапоги. Его пальцы нервно сжались, потом разжались, а рука почти машинально коснулась ремня щита, будто тяжёлый кусок металла мог придать ему уверенности. Эйдан ничего не говорил, позволяя ему самому заполнить тишину, потому что люди, которым действительно есть что сказать, обычно начинают говорить именно тогда, когда перестают чувствовать давление чужого вопроса.

— Просто… — начал Бьорн и закашлялся, будто слова снова застряли в горле. Он раздражённо потёр ладонью шею и заставил себя поднять взгляд. — Просто я боялся.

Эйдан не ответил сразу. Он посмотрел на его огромный щит, затем на меч, потом снова на лицо, где всё ещё оставалось то выражение неловкости, которое появляется у человека, впервые вынужденного признать собственный страх вслух. Бьорн говорил об этом так, будто боязнь была чем-то постыдным, что нельзя произносить перед сильным человеком. Эйдан это выражение знал, хотя предпочёл бы не узнавать.

— Трусить нормально, — сказал он наконец.

Бьорн поднял голову. В его глазах на миг мелькнуло удивление, настолько искреннее, что Эйдану стало почти неловко.

— Правда? — спросил он и чуть подался вперёд, словно боялся не расслышать ответ.

Эйдан посмотрел на него.

— Нет.

Бьорн замер. Несколько секунд он смотрел на Эйдана совершенно серьёзно, потом беспомощно моргнул, явно не понимая, почему тот сначала говорит одно, а потом сразу другое.

Эйдан чуть скривил уголок губ.

— Но иногда полезно, — добавил он, пожав плечом.

Бьорн медленно кивнул, переваривая услышанное.

— Я не хотел выглядеть слабым, — признался он, опустив голову. На последних словах его голос стал тише, а пальцы крепче сжали ремень щита.

— Получилось плохо.

Парень поморщился, но почти сразу виновато улыбнулся.

— Простите.

Эйдан едва заметно качнул головой.

— Не извиняйся.

— Хорошо, — быстро ответил Бьорн.

— И перестань говорить «хорошо» после каждой фразы.

— Хорошо.

Повисла пауза.

Бьорн понял свою ошибку первым и смутился, а Эйдан несколько секунд смотрел на него с таким выражением, будто пытался решить, можно ли вообще разговаривать с человеком, который способен настолько буквально выполнять каждую просьбу.

— Ты безнадёжен, — наконец произнёс он.

— Но вы ведь помогли мне, — Бьорн неожиданно улыбнулся.

Эйдан посмотрел на него.

— Не льсти себе.

— Я не льщу.

— Это ещё хуже.

Парень тихо рассмеялся.

Несколько секунд они просто стояли посреди почти пустой улицы, и эта тишина была страннее, чем недавняя драка. Эйдан привык к тому, что после боя люди либо говорят слишком много, либо не говорят ничего, потому что страх и облегчение обычно делают с языком примерно одно и то же — мешают ему работать правильно. Но этот парень просто стоял рядом, огромный, неуклюжий и совершенно искренний, словно не понимал, что делать теперь, когда опасность закончилась.

Эйдан первым нарушил молчание.

— Как тебя зовут?

— Бьорн, — ответил парень, выпрямившись немного сильнее. Имя он произнёс чётче, чем почти всё остальное, будто по крайней мере был в этом уверен.

Эйдан кивнул, запоминая.

— Эйдан, — сказал он после короткой паузы, когда понял, что молчание требует какой-то вежливости.

— Эйдан, — повторил Бьорн и улыбнулся. В его голосе прозвучало неподдельное уважение, будто даже простое имя уже успело стать для него чем-то важным.

Эйдан слегка прищурился.

— Да.

Бьорн поправил волосы, которые снова упали ему на лицо.

— Я видел, как вы дрались.

— Очень наблюдательно.

— Это было… — Бьорн на секунду задумался, подбирая слово, — впечатляюще.

— Не говори это так, будто смотришь представление.

— Я не хотел.

— Получилось.

Бьорн снова улыбнулся, и эта улыбка оказалась широкой и совершенно открытой, с немного кривыми зубами, которые делали его лицо ещё моложе. Эйдан невольно задержал взгляд на этой улыбке, потому что она слишком сильно отличалась от всего, что обычно видел на лицах людей после драки. В ней не было осторожности, скрытого расчёта или желания понять, какую пользу можно получить от знакомства.

— Я хочу стать таким же, — сказал Бьорн.

Эйдан медленно выдохнул через нос.

— Вот теперь мне действительно жаль, что я тебя спас.

Бьорн сначала растерялся, затем понял, что это, вероятно, шутка, и тихо рассмеялся.

— Я серьёзно.

— Вот именно это и пугает, — Бьорн перестал смеяться, но улыбка ещё некоторое время не сходила с его лица. — Я давно хочу стать героем.

Эйдан молчал. Бьорн чуть выпрямился, словно готовился говорить о чём-то важном, и теперь уже не выглядел настолько смущённым. В его ярко-голубых глазах появился тот самый искренний блеск, который Эйдану уже начинал не нравиться.

— Настоящим, — продолжил Бьорн. — Не просто воином. Не просто тем, кто умеет драться. Я хочу помогать людям. Хочу, чтобы люди знали, что если появился кто-то сильный и злой, то обязательно найдётся человек, который сможет его остановить. Я знаю, что это звучит глупо.

Эйдан скользнул взглядом по его лицу.

— Звучит.

Бьорн чуть нахмурился.

— Но это не глупо.

— Ты сам только что сказал, что, наверное, мог побить троих человек, а потом признался, что испугался их, — заметил Эйдан, слегка подняв бровь. — Я бы пока не спорил о сложности термина «глупо».

Бьорн опустил глаза, затем тихо усмехнулся.

— Наверное, я ещё не готов.

— Наконец-то честный ответ.

Бьорн снова поправил ремень щита и посмотрел на него с каким-то странным воодушевлением. Он был слишком большим, чтобы выглядеть несерьёзно, но слишком молодым, чтобы его уверенность воспринималась иначе, чем как что-то почти трогательное. Эйдану это не нравилось. Такие люди опасны не потому, что умеют драться, а потому, что могут поверить в красивую мысль настолько сильно, что перестанут замечать всё, что этой мысли не соответствует.

— Вы тоже когда-то хотели стать героем? — спросил Бьорн.

Эйдан чуть отвёл взгляд. Вопрос был задан без злого умысла, но попал слишком точно.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Бьорн заметил это, но не стал сразу настаивать. Он помолчал, рассматривая Эйдана несколько секунд, а потом спросил осторожнее:

— А кем вы хотели стать?

Эйдан не ответил. Его взгляд остановился на пустеющей улице, на окнах, за которыми уже загорался свет, на тени, вытянутой от стены к стене. Вопрос был простым, почти детским, но именно поэтому оказался неприятнее многих других. На него нельзя было ответить тем, что он обычно говорил людям, когда хотел закончить разговор.

— Тем, кто выживет, — сказал он после долгой паузы.

Бьорн нахмурился.

— Это не профессия.

— Очень даже.

— Но это ведь не мечта.

Эйдан посмотрел на него и слегка повёл плечом.

— Мечты плохо помогают, когда умираешь.

Бьорн замолчал. На его лице появилось выражение, в котором смешались непонимание и жалость, и Эйдану сразу захотелось от него отвернуться. Жалость он переносил ещё хуже, чем чужой героизм.

Через несколько мгновений Бьорн всё же сказал:

— Я сбежал из дома.

Эйдан повернул голову.

Бьорн говорил теперь тише, чем раньше, и впервые в его голосе не было ни восторга, ни возбуждения. Только обычная, почти стыдливая честность человека, который наконец решил рассказать то, ради чего вообще остановился рядом с незнакомцем. Он признался, что давно мечтал уйти и стать героем, а однажды просто сделал это, потому что понял: если останется дома, то никогда не станет тем, кем хочет быть.

— Где твои родители? — спросил Эйдан.

Бьорн сразу замолчал. Он посмотрел в сторону, и его взгляд на несколько секунд потерял ту ясность, которая была в нём раньше.

— Дома, — сказал он наконец.

— Это я понял.

Эйдан произнёс это без раздражения, но с той сухой прямотой, которая позволяла не превращать простой вопрос в спор. Бьорн едва заметно кивнул.

— Я не могу вернуться.

— Почему?

Бьорн сглотнул. На его лице появилось напряжение, губы сжались в тонкую линию, а пальцы крепче обхватили ремень щита.

— Потому что тогда меня заставят стать таким человеком, каким я не хочу быть.

Эйдан ничего не сказал, а парень опустил голову, и его длинные пепельно-белые волосы упали на лицо. Он раздражённо убрал их за ухо, но несколько прядей снова выбились вперёд почти сразу, и это простое движение выглядело неожиданно по-детски на фоне огромного щита и меча. Бьорн попытался улыбнуться, но улыбка не получилась.

— Я должен был стать сильнее, — сказал он. — Намного сильнее. Жёстче. Мне говорили, что это необходимо. Что если я не научусь делать то, что от меня хотят, значит, я слабый. Но я не хотел этого.

Эйдан смотрел на него молча.

— Я не хочу быть человеком, который делает больно просто потому, что ему велели, — продолжил Бьорн. — Я не хочу, чтобы люди боялись меня только потому, что я сильнее их. Я хочу, чтобы сильный человек был тем, кто встаёт между опасностью и теми, кто сам себя защитить не может.

Последние слова он произнёс уже твёрже, и в его голосе снова появилась та уверенность, которую Эйдан слышал раньше. Она всё ещё была наивной, но теперь становилось понятнее, откуда она взялась. Это не было просто желанием прославиться. По крайней мере, не только им.

— И ты решил, что для этого тебе нужен огромный щит и меч размером с дверь? — спросил Эйдан, коротко взглянув на оружие.

Бьорн тоже посмотрел на своё снаряжение и, немного подумав, кивнул.

— Да.

— Разумно.

Бьорн заметно оживился.

— Правда?

Эйдан посмотрел на него.

— Это не похвала.

Бьорн задумался, затем улыбнулся.

— Но всё равно спасибо.

Эйдан отвернулся, скрывая почти незаметное выражение раздражения.

Бьорн немного помолчал, а потом снова заговорил, и теперь в его голосе уже слышалось что-то похожее на гордость. Он стащил семейный меч и щит и отправился в путь. Сказал, что сначала боялся, что его будут искать, что его вернут, что он не сможет прожить один, но всё равно ушёл, потому что страх перед возвращением оказался сильнее страха перед дорогой. Он говорил об этом с неловкостью, словно до сих пор не был уверен, правильно ли поступил, но в каждом слове чувствовалась одна простая вещь: назад он не хотел.

Эйдан посмотрел на щит. Тот действительно был огромным. Не просто большим, не тяжёлым только на вид, а настоящим семейным оружием, которое явно не покупалось случайно и не предназначалось для случайного путешествия. На поверхности оставались следы использования, царапины и потёртости, а ремни выглядели так, будто были рассчитаны на человека крупнее Бьорна или, по крайней мере, на человека, который должен был стать таким со временем.

— Ты украл их? — спросил он.

Бьорн резко поднял голову.

— Нет.

— Тогда что сделал?

— Взял.

— Без спроса.

Бьорн поколебался.

— Да.

Эйдан чуть прищурился.

— Значит, украл.

— Это семейные вещи, — возразил Бьорн, и в его голосе впервые появилась лёгкая обида.

— Которые ты взял без разрешения.

— Да.

— Тогда украл.

Бьорн тяжело вздохнул и покачал головой.

— Ладно.

Эйдан впервые за весь разговор едва заметно улыбнулся. Совсем немного, почти незаметно, но этого хватило, чтобы Бьорн это увидел. Парень тоже улыбнулся, и на несколько секунд между ними исчезла настороженность, оставив только странную, случайную тишину двух людей, которые ещё несколько минут назад вообще не знали о существовании друг друга.

— И что теперь? — спросил Эйдан.

Бьорн посмотрел на него.

— Не знаю.

Это прозвучало настолько честно, что Эйдан даже не стал комментировать.

Бьорн продолжил стоять рядом. Он явно не собирался уходить сразу, хотя и сам понимал, что не имеет на это особого права. Эйдан видел, как парень время от времени поглядывает на него, будто ждёт, что тот скажет что-то важное, даст совет или просто предложит направление, в котором нужно идти дальше. Это было почти смешно. Эйдан только что спас ему жизнь, а Бьорн уже смотрел на него так, словно вместе с дракой получил ещё и ответ на главный вопрос своей жизни.

— Ты что, собираешься идти за мной? — спросил Эйдан.

Бьорн замер. Несколько секунд он молчал, явно пытаясь решить, насколько честным стоит быть.

— Нет.

Эйдан медленно поднял бровь.

— Нет?

— Я не знаю.

— Очень убедительно.

Бьорн виновато улыбнулся и потёр затылок.

— Я просто, — Он запнулся, раздражённо выдохнул и снова посмотрел Эйдану в глаза. — Вы сильный.

— Это я заметил.

— И умеете драться.

— Тоже заметил.

— И не похожи на тех, кто делает вид.

Эйдан посмотрел на него внимательнее.

— Что именно?

— Что он герой.

Несколько секунд Эйдан молчал.

— Ты меня почти не знаешь.

— Знаю достаточно.

— Это самая худшая причина доверять человеку.

Бьорн чуть пожал плечами.

— Наверное.

Эйдан снова поймал себя на мысли, что начинает узнавать его слишком быстро. Не лицо. Не голос. Не движения. Что-то глубже. Какую-то манеру смотреть на человека, которому уже заранее хочется верить.

Бьорн поправил волосы, снова заправляя их за ухо, и спросил:

— Вы наёмник?

— Иногда.

— Тогда вы берёте людей в команду?

— Нет.

— Почему? — Бьорн нахмурился.

— Потому что люди дорогие.

— В смысле? — переспросил он, чуть склонив голову, и на лице его появилось такое искреннее непонимание, будто Эйдан только что сообщил совершенно бессмысленную загадку.

— В смысле, что их потом жалко.

Бьорн замолчал. Его взгляд на мгновение опустился, а потом снова поднялся на Эйдана, уже без прежнего любопытства. В этих глазах мелькнуло понимание, которое семнадцатилетнему человеку ещё не должно было быть особенно знакомо, но которое каким-то образом оказалось там.

— Я всё равно хочу стать героем, — сказал он тихо.

Эйдан ничего не ответил.

Парень поднял голову, и в его глазах снова появился тот самый блеск, от которого Эйдану хотелось одновременно уйти и почему-то остаться. Это было выражение лица человека, который ещё не знает, сколько раз ему придётся разочароваться, прежде чем его мечта перестанет быть красивой и станет просто его жизнью. В нём не было высокомерия. Только уверенность, что мир, каким бы тяжёлым он ни оказался, всё ещё можно сделать правильнее.

Эйдан смотрел на него дольше, чем собирался. Он уже видел такое лицо. Давно. Так когда-то смотрел он сам.

Не буквально тем же взглядом, не с такой же открытой улыбкой и не с такой же нелепой верой в то, что всё обязательно сложится, если достаточно сильно этого хотеть. Но что-то было тем же самым — в напряжении подбородка, в этой готовности идти вперёд прежде, чем понимаешь, куда именно идёшь, в уверенности, что правильный человек однажды обязательно встретится на дороге и покажет, кем нужно стать. Когда-то Эйдан тоже думал, что всё может быть очень просто.

Достаточно найти сильных людей.

Достаточно идти рядом.

Достаточно учиться, смотреть, повторять, становиться лучше.

Ему казалось, что сила передаётся от одного человека к другому не хуже знания. Что можно увидеть, как кто-то держит оружие, понять, почему он не боится, и однажды самому стать таким же. Тогда он ещё не знал, что сильные люди тоже боятся. Не знал, что они ошибаются, теряют близких и иногда делают выбор, после которого уже невозможно вернуться к прежнему себе.

Он отвернулся к пустой улице, где вечер продолжал медленно опускаться на камни, крыши и редкие огни. Город постепенно закрывал глаза, и в его тишине всё отчётливее слышался холодный ветер, пробегающий между домами. Где-то далеко ещё стучала дверь, кто-то окликнул другого человека, потом и этот голос затих, будто город решил, что на сегодня с него достаточно.

— Бьорн, — сказал Эйдан наконец, не оборачиваясь.

— Да? — отозвался тот почти сразу, и в одном этом коротком слове было столько внимания, будто он ждал его последние несколько минут.

Эйдан помедлил.

—Ничего.

Он не собирался становиться для кого-то наставником. Не собирался брать на себя ещё одну жизнь, ещё один риск, ещё одного человека, за которого однажды

придётся отвечать. Он слишком хорошо знал, чем заканчивается такая дорога, и слишком долго пытался убедить себя, что после всего случившегося ему больше никого не нужно рядом. Это работало до сегодняшнего вечера.

Теперь перед ним стоял человек, который смотрел так, будто всё ещё верил в простую вещь: если найти сильного человека, можно однажды стать таким же. Эйдану это выражение не понравилось. Потому что когда-то он смотрел точно так же.

Глава 3

Дверь

Эйдан ушёл, надеясь, что на этом всё закончится. Он не оборачивался, не ускорял шаг и не пытался прислушиваться к тому, что происходило за спиной, потому что слишком хорошо знал: иногда единственный способ прекратить неприятный разговор — это физически выйти из него. Улица постепенно темнела, холод становился ощутимее, а город, который ещё недавно казался слишком тесным из-за множества голосов, теперь почти полностью очистился от людей. Эйдану нравилась такая тишина больше любой компании, потому что в ней никто не требовал объяснений, никто не задавал вопросов и никто не смотрел на него так, будто уже решил, кем именно он должен стать.

Первые несколько минут всё шло хорошо. Он слышал только собственные шаги, размеренные и тяжёлые, и время от времени — далёкий скрип колёс где-то на соседней улице. Край плаща цеплялся за ноги, сапоги отстукивали ритм по камню, а холод снова постепенно пробирался под одежду, заставляя старые ожоги на правой руке неприятно тянуть. Эйдан шёл, думая о том, что завтра, вероятно, найдёт себе очередной мелкий заказ, заплатит за жильё, поест что-нибудь достаточно горячее и снова будет жить так, будто его единственная задача — пережить ещё один день без необходимости кого-нибудь спасать.

Потом он услышал шаги.

Сначала Эйдан не придал им значения. В пустом городе один человек редко идёт абсолютно один, а расстояние между улицами и домами иногда заставляет любой звук казаться ближе, чем он есть. Он продолжал идти, не меняя темпа, и лишь спустя несколько секунд заметил, что шаги за спиной повторяют его ритм слишком точно. Он замедлился, и звук тоже стал медленнее; Эйдан пошёл быстрее, и через мгновение шаги снова подстроились под него.

Он тихо выдохнул.

— Нет, — пробормотал он себе под нос, едва заметно поморщившись.

Шаги продолжались.

Эйдан остановился.

Через мгновение позади тоже раздалось несколько быстрых шагов, а затем кто-то резко затормозил, будто едва не врезался в него. Эйдан несколько секунд стоял неподвижно, глядя перед собой, и только потом медленно повернул голову через плечо. В нескольких шагах позади стоял Бьорн.

Парень остановился, тяжело дыша, и попытался сделать вид, будто просто случайно оказался именно здесь. Выходило плохо. Огромный щит за его спиной слегка съехал набок, волосы растрепались ещё сильнее обычного, а лицо выражало ту смесь виноватости и надежды, которую Эйдан уже начинал бояться. Бьорн встретился с ним взглядом, улыбнулся краем губ и тут же перестал улыбаться, увидев выражение лица Эйдана.

— Что? — спросил он осторожно, чуть приподняв руки, словно заранее хотел показать, что не собирается спорить.

Эйдан медленно повернулся к нему всем корпусом.

— Почему ты идёшь за мной?

Бьорн замер. Он посмотрел сначала на Эйдана, потом на дорогу за ним, словно действительно пытался придумать версию событий, которая не будет выглядеть настолько очевидной. Наконец он пожал плечами, но даже это простое движение получилось у него слишком неуверенным.

— Я не иду за вами, — ответил он, старательно сохраняя серьёзное лицо.

Эйдан молча посмотрел на него.

Бьорн продержался несколько секунд, после чего виновато опустил глаза и вздохнул.

— Хорошо. Иду.

— Я заметил, — сухо отозвался Эйдан, чуть склонив голову набок.

Эйдан говорил спокойно, но в его голосе уже появилась та особая сухость, которая означала, что терпение начинает заканчиваться. Он провёл ладонью по короткой бороде и некоторое время смотрел на Бьорна так, словно тот был задачей, которую не хотелось решать, потому что любой ответ казался неприятным. Затем он чуть качнул головой в сторону улицы, откуда пришёл парень.

— Возвращайся.

Бьорн нахмурился, и его густые светлые брови сошлись над переносицей.

— Куда?

— Не знаю, — ответил Эйдан с таким спокойствием, будто это была самая очевидная вещь на свете.

— У меня нет места.

Эйдан на секунду прикрыл глаза.

— Тогда найди.

Бьорн недоверчиво посмотрел на него.

— Где?

Эйдан медленно прикрыл глаза. Когда он снова открыл их, Бьорн всё ещё стоял на том же месте и смотрел на него с такой искренней растерянностью, будто надеялся, что ответ действительно существует, просто Эйдан почему-то не хочет его говорить. В этом была какая-то почти детская логика: если человек знает решение, значит, он обязан поделиться им с тем, кто рядом.

— Это уже не моя проблема, — произнёс Эйдан ровно, чуть пожав плечом.

Он развернулся и пошёл дальше.

Позади снова раздались шаги.

Эйдан стиснул зубы.

Он прошёл ещё несколько десятков шагов, потом резко остановился и, не поворачиваясь, сказал:

— Если ты ещё раз наступишь мне на пятки, я начну думать, что ты не умеешь слышать слова.

Он произнёс это без повышения голоса, но так сухо и отчётливо, что предупреждение прозвучало куда серьёзнее крика.

Шаги прекратились.

Эйдан постоял ещё секунду, затем продолжил путь. Некоторое время за спиной было тихо, и он успел решить, что наконец-то добился своего. Внутри появилось знакомое чувство облегчения, которое всегда возникает, когда неприятная ситуация заканчивается без необходимости доводить её до более неприятного конца. Но потом услышал голос.

— Эйдан.

Он остановился.

Бьорн стоял всё на том же месте, не приближаясь, и теперь уже даже не пытался идти следом. В его лице появилось что-то решительное, хотя Эйдан всё ещё видел, как он нервно перебирает пальцами ремень щита.

— Что? — бросил Эйдан через плечо, не скрывая усталости.

— Можно спросить?

Эйдан медленно повернул голову.

— Ты уже спросил.

Бьорн едва заметно улыбнулся, но тут же стал серьёзнее.

— А ещё один вопрос?

Эйдан долго смотрел на него. Взгляд его оставался тяжёлым и неподвижным, словно он заранее подозревал, что этот «ещё один вопрос» принесёт ему больше хлопот, чем все предыдущие.

— Один.

Бьорн глубоко вдохнул, расправил плечи и на секунду сжал губы.

— Вы не могли бы научить меня драться?

Тишина после этих слов показалась Эйдану почти оскорбительной.

Он смотрел на Бьорна, не меняя выражения лица, а парень стоял напротив и явно ждал ответа так, будто речь шла о чём-то невероятно важном. На его лице не было ни тени шутки. Голубые глаза смотрели прямо и открыто, и в них снова появился тот самый блеск, который Эйдан уже начинал считать опасным симптомом. Бьорн ждал.

— Нет, — ответил Эйдан.

Слово прозвучало коротко и окончательно. Он даже слегка качнул головой, словно этим движением ставил точку в разговоре.

— Почему? — всё-таки спросил Бьорн, нахмурившись.

— Потому что не хочу.

— Но почему?

Эйдан устало потёр переносицу.

— Потому что я не учитель.

— Но вы умеете.

— Это не одно и то же.

— А если я буду хорошо слушать?

Эйдан посмотрел на него тяжёлым взглядом.

— Нет.

— Если буду тренироваться каждый день?

— Нет.

— Если не буду мешать?

Эйдан чуть приподнял бровь.

— Ты уже мешаешь.

Бьорн на мгновение замолчал, потом опустил глаза, явно пытаясь придумать новый аргумент. По его лицу было видно, как быстро вращаются мысли, и Эйдан почти физически чувствовал приближение следующего предложения.

— Я могу платить.

Эйдан посмотрел на него так, будто Бьорн только что предложил ему купить дождь.

— Чем?

Парень замер. Его рот чуть приоткрылся, но ответа сразу не нашлось.

— Пока не знаю.

— Тогда вопрос закрыт.

Эйдан развернулся и продолжил идти.

На этот раз Бьорн не пошёл за ним.

Эйдан услышал только несколько тихих шагов, после которых парень остановился. Потом стало совсем тихо. Ни голоса, ни попыток окликнуть, ни тяжёлых ударов сапог о камень. Эйдан шёл дальше и постепенно перестал слышать даже собственный внутренний диалог, потому что привычка двигаться вперёд была проще любой мысли.

Он думал, что проблема решена. В конце концов, Бьорн остался там, где его оставили. Это уже было достаточно взрослым решением.

Эйдан прошёл ещё один поворот, пересёк короткий участок улицы и свернул туда, где домов становилось меньше, а расстояния между ними — больше. Здесь город постепенно терял свою плотность. Каменные стены сменялись простыми деревянными оградами, редкие окна смотрели на улицу тускло, а дорожное покрытие становилось неровнее. Это была окраина, место, которое не интересовало тех, кто хотел жить поближе к центру, но вполне устраивало тех, кому хватало стены, крыши и возможности закрыть глаза ночью.

Эйдан снова услышал шаги.

Он остановился. Не поворачиваясь, закрыл глаза и сосчитал до трёх. Потом медленно обернулся. Бьорн стоял на прежнем месте. Он не подошёл ближе, просто стоял и ждал. Эйдан посмотрел на него несколько секунд, потом потёр лицо ладонью.

— Ты издеваешься? — спросил он устало, и в голосе впервые за вечер прозвучало не раздражение, а почти настоящее недоверие.

Бьорн отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Тогда почему ты всё ещё здесь?

— Вы разрешили мне идти за вами?

Эйдан нахмурился.

— Нет.

Бьорн виновато пожал плечами.

— Но вы не запретили.

Эйдан замер.

На его лице появилось выражение человека, который только что обнаружил, что разговаривает не с глупцом, а с гораздо более опасным существом — человеком, который умеет находить лазейки в словах.

— Я сказал тебе перестать идти за мной.

— Я перестал, — спокойно ответил Бьорн.

— Ты опять идёшь.

— Сейчас я стою, — заметил он с совершенно серьёзным выражением лица.

Эйдан медленно вдохнул.

Бьорн смотрел на него несколько секунд, а уголок его рта предательски дрогнул. Эйдан понял, что тот едва сдерживает улыбку.

— Очень смешно, — произнёс Эйдан без всякого выражения.

Бьорн тут же опустил взгляд.

— Простите.

— Не извиняйся.

— Хорошо.

Эйдан закрыл глаза и на мгновение прижал пальцы к переносице.

— Иногда мне кажется, что ты специально это делаешь.

Бьорн искренне нахмурился.

— Что именно?

Эйдан посмотрел на него.

— Всё.

Бьорн тихо рассмеялся, прикрыв рот ладонью.

— Я не хотел.

— Это я тоже уже слышал.

Несколько секунд они стояли молча. Эйдан смотрел на Бьорна, Бьорн смотрел на него. Ветер двигал край плаща, волосы Бьорна снова падали ему на лицо, и он привычным движением убрал их за ухо. Щит за его спиной казался вдвое больше в этом пустом пространстве, а сам парень — ещё более нелепым, чем возле переулка.

Эйдан первым нарушил молчание.

— Чего ты хочешь?

Бьорн ответил не сразу. Он на секунду отвёл взгляд, потом снова посмотрел на Эйдана.

— Я уже сказал.

— Про драку?

— Да.

— Я ответил.

— Но я всё равно не знаю, куда идти.

Это была уже другая проблема. Не потому, что Бьорн сказал что-то особенное. Наоборот, именно потому, что сказал он это без всякой хитрости. В его голосе не было попытки вызвать жалость, не было скрытой просьбы, не было даже привычной для подростка уверенности, что взрослый обязан помочь. Только простая констатация: ему некуда идти.

Эйдан знал это чувство. И именно поэтому оно ему не понравилось.

— Можешь снять комнату в таверне, — сказал он, слегка отвернувшись.

Бьорн опустил глаза.

— Денег нет.

— Заработай.

— Сегодня?

Эйдан посмотрел на него с лёгким раздражением.

— Желательно до того, как замёрзнешь.

Бьорн задумался, сжав губы.

— Можно попроситься к кому-нибудь.

— Можно.

— Но я не знаю к кому.

— Это уже начинает звучать как твоя любимая проблема.

Бьорн едва заметно улыбнулся, но улыбка быстро исчезла.

— Эйдан…

Эйдан посмотрел на него и долго молчал, п отом устало вздохнул и чуть опустил плечи.

— Ладно.

Бьорн сразу поднял голову.

— Что?

— Переночуешь у меня.

На лице Бьорна одновременно появилось удивление и такая яркая радость, что Эйдан почти сразу пожалел о принятом решении.

— Правда? — спросил он, и голос неожиданно стал выше от облегчения.

— Не обольщайся.

— Спасибо.

— Я сказал переночуешь. Не усыновлю.

Бьорн кивнул слишком быстро, с таким усердием, что белые волосы снова упали ему на лицо.

— Понял.

Эйдан прищурился.

— И сразу запомни, — произнёс он уже жёстче, чуть наклонив голову. — Не путай крышу над головой с приглашением в отряд.

Бьорн на мгновение перестал улыбаться. Он понял, что это не шутка, и серьёзно кивнул.

— Не буду.

— Хорошо.

— Хорошо, — тихо повторил Бьорн.

Эйдан медленно посмотрел на него.

— Ты сейчас специально?

Бьорн попытался сохранить серьёзное выражение лица, но губы дрогнули.

— Нет.

Эйдан отвернулся.

— Конечно.

Он развернулся и пошёл дальше.

На этот раз Бьорн последовал за ним молча.

Дорога к окраине не заняла много времени, хотя Эйдан шёл быстро и явно не пытался подстраиваться под своего нового спутника. Бьорн успевал за ним без труда, несмотря на щит и меч, и это было единственным преимуществом его огромного роста — ему не приходилось прилагать столько усилий, чтобы удерживать темп. Они почти не разговаривали. Эйдан шёл впереди, не оборачиваясь, а Бьорн держался на нескольких шагах позади, стараясь больше не раздражать человека, который уже несколько раз ясно показал, что не привык к чужому присутствию.

Постепенно домов становилось всё меньше. Наконец Эйдан свернул к одному из них. Бьорн остановился. Несколько секунд он просто смотрел.

Дом действительно был жалким.

Не настолько, чтобы рухнуть прямо сейчас, но достаточно, чтобы сама идея назвать это место домом требовала некоторой уверенности в собственном оптимизме. Стены были простыми, крыша выглядела старой, а вокруг не было ничего, что говорило бы о достатке или хотя бы о желании сделать это место уютным. Но больше всего Бьорна заинтересовала дверь.

То есть её отсутствие.

Вместо двери был просто открытый проём. Бьорн медленно перевёл взгляд с проёма на Эйдана. Потом снова на проём.

— Ты здесь живёшь? — спросил он наконец, медленно нахмурившись.

Эйдан посмотрел на дом так, словно только сейчас вспомнил, насколько он непримечателен.

— Иногда, — ответил он без особого интереса.

Бьорн моргнул.

— Как это — иногда?

— Иногда я здесь ночую.

— А дверь?

Эйдан пожал плечами.

— Не завезли.

Бьорн недоверчиво посмотрел внутрь. Из темноты не доносилось ничего, кроме обычной тишины пустого помещения. Он сделал небольшой шаг вперёд и остановился на пороге, явно ожидая увидеть что-нибудь более подходящее человеку, который несколько минут назад одним движением сломал нос бандиту и выбил другому колено.

Внутри было именно то, чего можно было ожидать от Эйдана.

Ничего лишнего.

Бьорн снова посмотрел на него.

— Ты правда здесь живёшь? — повторил он уже тише.

Эйдан снял плащ и повесил его на единственный заметный крючок.

— Я уже ответил.

Бьорн ещё несколько секунд стоял на месте.

— Здесь холодно, — сказал он с сомнением, оглядывая открытый проём.

— Ночью вообще бывает холодно.

— И дверь отсутствует.

Эйдан посмотрел на него.

— Ты опять заметил что-то очень важное.

Бьорн не улыбнулся. Он смотрел внутрь и явно пытался понять, как человек может жить в месте, где просто нет одной из самых базовых вещей, которые делают дом домом.

Эйдан заметил его взгляд.

— Если тебя не устраивает, можешь уйти.

Бьорн повернул голову.

В голосе Эйдана не было злости. Только усталость и привычная отстранённость, как будто он заранее говорил: решение твоё, последствия тоже твои. Бьорн несколько секунд колебался, затем кивнул.

— Хорошо.

Он развернулся.

Эйдан смотрел, как огромная фигура отходит от дома, и почему-то чувствовал не облегчение, а какую-то неприятную тяжесть в груди. Он не стал разбираться, откуда она появилась. Ему и без того хватало причин не задавать себе лишних вопросов. Бьорн ушёл.

Эйдан постоял у проёма ещё несколько секунд, затем вошёл внутрь и остановился у стены. Он посмотрел туда, где должна была находиться дверь, и едва заметно скривился.

— Вот поэтому и не нужен отряд, — пробормотал он, проводя рукой по лицу.

Он снял сапоги, лёг и вскоре закрыл глаза.

Сон пришёл не сразу. Эйдан долго лежал неподвижно, глядя в темноту, и слушал холодный воздух, который беспрепятственно проникал внутрь через отсутствующую дверь. Это было неудобно. Даже слишком неудобно. Он давно привык к простым вещам, к пустой комнате, к тишине, к отсутствию людей рядом, к тому, что никто не спрашивает, вернулся ли он, где был и куда собирается завтра.

Отсутствие двери тоже стало привычным. Наверное, даже слишком. Ч ерез некоторое время глаза вновь закрылись. Он почти уснул, когда услышал стук.

Эйдан открыл глаза. Сначала он не понял, откуда звук. Потом стук повторился. Он сел, нахмурившись, и несколько секунд просто слушал, а затем понял, что звук доносится снаружи. Эйдан медленно поднялся, накинул плащ и вышел к проёму.

Бьорн стоял там и держал топор.

Эйдан замер.

За Бьорном лежала небольшая куча досок, а рядом стояло ещё несколько инструментов. Сам парень выглядел так, будто произошло нечто совершенно нормальное и ожидаемое. На лице у него была широкая улыбка, волосы растрепались, на плечах и кольчуге виднелась мелкая древесная стружка, а в глазах сияло такое количество энтузиазма, что Эйдану стало ясно: спокойной ночи больше не будет.

— Что ты делаешь? — спросил он, глядя сначала на топор, потом на доски.

Бьорн поднял топор, как будто это должно было всё объяснить.

— Я вернулся.

Эйдан моргнул.

— Это я вижу.

— Я решил сделать дверь.

Несколько секунд Эйдан молча смотрел на него. Потом на топор. Потом на доски. Потом снова на Бьорна.

— Ты ушёл почти час назад, — сказал он медленно, словно проверяя, действительно ли понимает происходящее.

— Да.

— И всё это время искал топор?

— Не только топор.

Бьорн кивнул в сторону инструментов, и на его лице появилось выражение человека, который с удовольствием демонстрирует масштаб собственной подготовки.

— Я одолжил их у соседей.

Эйдан перевёл взгляд на доски.

— А это?

— Тоже нашёл.

Эйдан прищурился.

— Где?

Бьорн неопределённо махнул рукой в сторону улицы.

— Там.

Эйдан закрыл глаза.

— Конечно.

Бьорн переступил с ноги на ногу, но улыбка не исчезла.

— Здесь нужна дверь. и наче холодно.

— Я заметил.

— Тогда почему её нет? — спросил Бьорн и по-настоящему нахмурился, словно не мог понять простой причины.

Эйдан посмотрел на него.

— Потому что мне было всё равно.

Бьорн нахмурился ещё сильнее.

— Теперь мне не всё равно.

Эйдан несколько секунд не отвечал. В этих словах не было ничего особенного, и всё же они прозвучали как-то странно. Просто. Без пафоса. Без попытки казаться хорошим. Будто для Бьорна действительно было совершенно очевидно, что если дверь нужна, её надо поставить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.